

М.П. Беленко*

M.P. Belenko

Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны.**Evacuation of civilians in the Central Asian republics of the USSR during the Great Patriotic War**DOI: 10.31518/2618-9100-2019-4-9
УДК 314.14 "1941/1943"

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-4-9

Выходные данные для цитирования:

Беленко М.П. Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 9. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-09.pdf>

How to cite:

Belenko M.P. Evacuation of civilians in the Central Asian republics of the USSR during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2019, # 4 (6). Article 9. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-09.pdf>

Abstract. Central Asia, along with the Urals and Western Siberia during the Great Patriotic War was one of the key rear regions of the USSR, and took a significant number of evacuated citizens. This article is devoted to the issues of the number of migrants, their transportation routes and features of accommodation in the region. The study of the existing statistical data showed that the errors of population accounting in 1941–1942 were large and could reach 15–20 % of the total number of people who arrived to evacuate the population. In addition, the population registers, for various reasons, provided the authorities with information on the number of evacuees with a great delay. However, it can be argued that all the years of the war, Central Asia has taken more than 800 thousand people, three quarters of which arrived in the region in 1941, and one quarter in 1942 the Largest number of migrants adopted by the Kazakh and Uzbek SSR – a total of about 80 % of the total number of evacuees. The reasons for this distribution were the high pre-war demographic and infrastructural potential of these Union republics.

Keywords: evacuation; evacuation of civilians; Central Asia; Kazakhstan; Uzbekistan; historical demography; the Great Patriotic War.

The article has been received by the editor on 10.08.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below:

Аннотация. Средняя Азия, наряду с Уралом и Западной Сибирью в годы Великой Отечественной войны была одним из ключевых тыловых регионов СССР, и приняла значительное количество эвакуированных граждан. Данная статья посвящена рассмотрению вопросов численности мигрантов, маршрутов их транспортировки и особенностей размещения в регионе. Изучение существующих статистических данных показало, что погрешности учета населения в 1941–1942 годах были велики и могли достигать 15–20 % от общей численности прибывшего по эвакуации населения. Помимо этого, органы учета населения, в силу различных причин, поставляли органам власти сведения о численности эвакуированных с большой задержкой. Тем не менее, можно утверждать, что всего за годы войны Средняя Азия приняла более 800 тысяч человек, три четверти из которых прибыло в

* **Беленко Михаил Павлович**, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск, Россия), e-mail: mikeslon@gmail.com

Belenko Mikhail Pavlovich, Candidate of Historical Sciences, Research Assistant, Institute of history of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the political science and technology, Siberian Institute of management – branch of RANEPА (Novosibirsk, Russia), e-mail: mikeslon@gmail.com

регион в 1941 году, и одна четверть – в 1942 г. Наибольшее количество мигрантов приняли Казахская и Узбекская ССР – суммарно около 80 % от общего числа эвакуированных. Причинами такого распределения стал высокий довоенный демографический и инфраструктурный потенциал этих союзных республик.

Ключевые слова: эвакуация; эвакуация гражданского населения; Средняя Азия; Казахстан; Узбекистан; историческая демография; Великая Отечественная война

* * *

С момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже более 70 лет, но интерес общества к тем великим событиям не ослабевает. Одним из слагаемых Победы была эвакуация производительных сил в восточные районы СССР, а ее важной составной частью стала эвакуация гражданского населения.

Между тем в отечественной историографии, как в советской, так и в современной российской (не говоря уже о зарубежной), настоящая тема до сих пор принадлежит к числу весьма слабо раскрытых в научном плане. В военно-исторической и демографической литературе до сих пор нет крупных исследований, специально посвященных истории эвакуации гражданского населения СССР в 1941–1942 гг. Даже такой фундаментальный вопрос, как численность эвакуированного гражданского населения не имеет в наше время однозначного ответа: опубликованные сведения о количестве эвакуированного населения существенно отличаются: в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» число эвакуированных из прифронтовой полосы граждан оценено в 12 млн человек. И.И. Белоносов в статье «Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг.»¹ посчитал, что масштаб эвакуации был существенно больше – 25 млн человек (впрочем, Белоносов в своей статье не разделял эвакуированное население на перемещенных в глубокий тыл и отселенных от линии фронта на несколько десятков километров). Расхождение данных о численности эвакуированных имеет большое количество причин, главная из которых – низкая достоверность статистических сведений². Решением этой проблемы может стать изучение массива документов на уровне отдельных регионов, с последующим обобщением полученных сведений. Необходимо отметить, что такая работа в настоящее время уже идет, но если численность, состав, динамика прибытия и другие аспекты гражданской эвакуации в Сибирь, на Урал исследователями изучены³ – то такой регион как Средняя Азия – еще только ждет отдельного исследования. Между тем, среднеазиатские республики СССР были одним из важнейших тыловых районов Советского Союза: из 1523 эвакуированных крупных промышленных предприятий 308 было размещено в Средней Азии. В советской историографии к Средней Азии относят территорию современных Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской республик, а Казахскую ССР выделяют в отдельный экономический район, однако с середины 90-х годов складывается тенденция к расширительной трактовке термина «Средняя Азия», включающей в себя территорию республики Казахстан. Мы в тексте настоящей статьи будем в дальнейшем придерживаться именно этого, «расширенного» значения.

Таким образом, предмет настоящей статьи – эвакуация гражданского населения в советскую Среднюю Азию: численность мигрантов, динамика их прибытия в регион,

¹ Белоносов И.И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. // Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производственных сил СССР в 1941–1942 гг. Сборник статей и воспоминаний. М.: Наука, 1966.

² Беленко М.П. Источники по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 2. С.81

³ Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы, Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2002. 264 с.; Снегирева Л.И. К вопросу об учете эвакуированного населения в Западной Сибири и его численности.//Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны. Томск, 2005.

особенности размещения и транспортировки граждан.

Начнем описание эвакуации гражданского населения в среднеазиатские республики СССР с ответа на вопрос, какие органы государственного управления занимались эвакуацией гражданского населения.

На третий день войны, 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей», при Совнаркомом СССР был создан Совет по эвакуации. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения, которому был передан аппарат бывшего Переселенческого управления при Совнаркомом СССР, задачей которого стали учет и обеспечение эвакуированного населения всем необходимым как в ходе эвакуации, так и после прибытия в регионы размещения.

На местах первоначально задачи по размещению и обустройству эвакуированного населения были возложены на уже существующие партийные и советские органы власти (обкомы и горкомы ВКП(б), обл- и горисполкомы). Затем, в конце лета – начале осени 1941 г. стали формироваться первые специализированные органы, в чью задачу входил учет, расселение и обустройство прибывающих. Как правило, для этих целей создавались коллегиальные органы, но иногда назначался один уполномоченный⁴.

Этим органам было поручено готовить соответствующие проекты решений и постановлений для законодательных органов власти. Они занимались текущей работой по организации эвакуационных пунктов, обеспечению их работниками, размещением, трудовым и бытовым обустройством эвакуированных граждан. В городах и сельских районах действовали те же схемы организации приема эвакуированных: назначалось ответственное лицо, или создавалась «тройка», или исполком принимал решения в рабочем порядке. Единого стандарта организации на данном этапе не существовало.

Постановление Совета по эвакуации СЭ № 187 от 14 ноября 1941 г. утвердило штаты аппарата Уполномоченных Управления по Эвакуации в союзных республиках, отдельных краях и областях⁵.

Теперь необходимо ответить на вопрос, какие именно социальные группы обозначались термином «эвакуированное гражданское население»: война кардинальным образом повлияла на масштаб и характер миграций, но далеко не все перемещенные лица (и даже не все перемещенные из прифронтовых районов в тыл) получали статус эвакуированных – так как он в годы Великой Отечественной войны предполагал ряд льгот (право на получение материальной помощи, приоритет при трудоустройстве и так далее), то получение такого статуса четко регламентировалось. Согласно циркулярному письму Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации, при учете поступающего в тыловые районы населения (и при повторных его переучетах) статус эвакуированных получали «лица (...), прибывшие из прифронтовой полосы во время войны, а также лица, командированные в область, если территория их постоянного проживания занималась врагом»⁶.

Военнослужащие – персонал перемещенных в тыл военных госпиталей, курсанты и слушатели военных учебных заведений не попадали в разряд эвакуированных, однако члены их семей такой статус получали. Заключение перемещенных в восточные районы страны тюрем и исправительно-трудовых лагерей, амнистированные или освобожденные после прибытия, при переучете записывались как эвакуированные, однако не обладали льготами и преимуществами, положенными эвакуированному населению. Статус эвакуированных не получали перемещенные в восточные районы страны поляки и депортированные народности. В дальнейшем мы станем придерживаться этой официальной терминологии, для того, чтобы избежать путаницы при рассмотрении документальных источников.

Однако, с точки зрения организации процесса эвакуации более правильным будет

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6822. Оп. 1. Д. 422. Л. 37.

⁶ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 142. Л. 157.

разделить эвакуированное население на «организованное население» и «беженцев». К первым нужно отнести рабочих и служащих различных организаций и учреждений, которые перемещались в тыловые районы страны в рамках эвакуации. Их перемещение планировалось в Совете по эвакуации, а затем соответствующие наркоматы организовывали перемещение «своих» предприятий и персонала. К «беженцам» можно отнести как население, самостоятельно покинувшее место своего проживания, так и гражданское население, перемещаемое из крупных городов, в первую очередь из Москвы и Ленинграда, по соображениям военно-политического характера, как добровольно, так и принудительно. Главным отличием последних от «организованного населения» была цель перемещения: «организованных» перемещали вслед за эвакуированными предприятиями, а «беженцев» вывозили из городов, для того, чтобы их разгрузить от «лишнего» населения. Такая организация процесса имела целый ряд важных для нас последствий: во-первых, «организованное» эвакуированное население размещалось преимущественно в городских поселениях (вместе со своими предприятиями и учреждениями), во-вторых, его учет был поставлен лучше, так как перемещение этой социальной группы контролировало большее количество органов власти.

Важной особенностью региона стала конфигурация транспортных путей – если эвакуация в Сибирь практически полностью опиралась на Транс-Сибирскую магистраль, то в Среднюю Азию можно было попасть несколькими путями. Первый – из Самары (в то время – Куйбышев) по Оренбургской железной дороге через Актюбинск, Кызыл-Орду на Чимкент. Второй – железной дорогой до Новосибирска, затем на юг – до Семипалатинска, а оттуда по Туркестано-Сибирской железной дороге до Алма-Аты, Фрунзе, Чимкента и далее. Третий – от Екатеринбурга (в то время – Свердловск) с помощью Карагандинской железной дороги в Северный и Центральный Казахстан – в Акмолинск, Караганду, Джезказган. Этот маршрут был «изолированным», локальным – так как в то время сообщение между этим районом и другими районами Средней Азии было возможно только через Транс-Сиб, и далее по первому или второму маршрутам. Четвертый маршрут условно можно назвать «южным» - из Махачкалы, Дербента, Баку морем до Красноводска, и далее по Ашхабадской и Ташкентской железным дорогам. Этот маршрут был самым коротким по расстоянию, и одновременно самым долгим по времени, так как требовал нескольких пересадок. Значение его усиливалось тем, что он вел напрямую в наиболее развитые и населенные районы (а значит, способные принять большое количество эвакуированных граждан) Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана. Необходимо отметить, что этот маршрут был фактически единственно возможным для населения Кубани, Кавказа и Закавказья.

Доступные в настоящий момент структурированные данные по численности эвакуированного в Среднюю Азию населения представлены сводным отчетом ЦСУ о «Численности эвакуированного населения в города СССР по данным механического движения населения за II полугодие 1941»⁷, ежемесячными «Сводками переселенческого управления при СНК СССР об эвакуированном населении»⁸ и относятся к ноябрю-декабрю 1941 года, данные за 1942 и 1943 год обнаружить не удалось – до настоящего времени сохранились лишь сведения о механическом движении населения по регионам СССР, но вычленив из общей массы мигрантов эвакуированное население, опираясь лишь на эти сведения, невозможно. Можно лишь примерно оценить количество прибывших по эвакуации в 1942 году и позднее, экстраполируя данные по Западной Сибири⁹ – допуская, что распределение людей по регионам размещения и общая динамика эвакуационных процессов в 1941 году и 1942 году не имели существенных различий. Для Западной Сибири соотношение между прибывшими в 1941 году и 1942 году составило два к одному. В качестве

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 248

⁸ Там же. Д. 249.

⁹ Беленко М.П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.), [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 10.10.11: утв. 20.07.12

«точки отчета» Западная Сибирь выбрана в силу своего географического положения – Сибирь и Средняя Азия равноудалены от центральных и западных районов СССР. Таким образом, получаем, что всего в Среднюю Азию было эвакуировано около 690 тысяч человек, из них 460 тысяч в 1941 году и 230 тысяч – в 1942 году.

Таблица 1

**Данные по численности прибывшего в республики
Средней Азии эвакуированного населения***

	Казахская ССР	Узбекская ССР	Туркменская ССР	Таджикская ССР	Киргизская ССР	Всего в Среднюю Азию
На 1.11.1941	99 773	43 559	2463	3636	Нет данных	149 431
На 15.11.1941	119 201	43 559	2464	5584	Нет данных	170 807
На 1.12.1941	166 937	67 931	5155	9030	Нет данных	249 053
На 1.01.1942	176 946	210 080	12 001	19 950	39 215	458 192

* Составлено по данным: РГАЭ, Ф. 1562. Оп. 20, Д. 248. Л. 2-25; Д. 249, Л. 47–71.

Следующий ключевой вопрос – насколько существующие статистические сведения достоверны? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, каким образом ЦСУ получало данные о количестве эвакуированных граждан. Главным источником сведений о механическом движении населения традиционно были материалы текущего учета. С началом войны интенсивность миграционных процессов резко усилилась, и существующий аппарат учета оказался неспособен своевременно фиксировать перемещения граждан, более того, в условиях войны далеко не всегда соблюдались административные процедуры и правила документооборота – то есть часть мигрантов вообще «выпали» из поля зрения органов учета. Например, летом 1941 года эшелоны с эвакуированным населением нередко двигались в тыл не имея эшелонных списков и определенного пункта назначения¹⁰. Кроме того, до середины осени 1941 года само понятие «эвакуированный гражданин» не было четко определено. К ноябрю 1941 года система учета организованного эвакуированного населения была отлажена, но учесть прибывших ранее она не могла. Нужно также иметь в виду, что органы учета фиксировали в первую очередь организованное население, «беженцы», прибывавшие в тот или иной регион самостоятельно, далеко не всегда готовы были публично заявить о своем статусе «эвакуированных». С одной стороны, получение этого статуса давало определенные льготы. С другой – эвакуация в целом носила военно-промышленный характер, то есть в тыл перемещали в первую очередь горожан, и размещали их в городах вместе с их организациями и учреждениями. Это, в свою очередь, поставило проблему их размещения и расселения – практически все крупные населенные пункты оказались переполнены людьми. Проблему размещения прибывающих по эвакуации граждан решали сразу многими способами – новым строительством, оборудованием нежилых помещений, уплотнением – и, в том числе, выселением жителей в сельскую местность. Поэтому граждане, прибывшие в тыл самостоятельно, а не в организованном порядке, зачастую скрывали свой статус, опасаясь выселения и направления в сельскую местность¹¹. В итоге, данные по численности эвакуированного населения, отраженные в статистических таблицах ЦСУ и сводках переселенческого управления, во многом опираются на расчетные методы: как указано в пояснительной записке к данным таблиц численности эвакуированного населения

¹⁰ГАРФ. Ф. Р-6822. Д. 406. Л.10

¹¹РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 316. Л.16.

«Допущено предположение, что интенсивность передвижения в города и из городов (не считая эвакуированного населения, без учета обстоятельств военного времени), приблизительно должна быть той же во II полугодии по сравнению с I полугодием 1941 г. При таком допущении разница в численности населения между данными получается условно принята за эвакуированное население. Опыт такого подхода показал, что полученные таким образом данные весьма близко подходят к данным исчислений эвакуопунктов, тем более это обстоятельство относится к распределению эвакуированного населения по местам выбытия и вселения. Таким образом исчисленные данные были распределены пропорционально соотношению по местам выхода и вселения полученным на основании разницы между данными за оба полугодия»¹². Размер погрешности недоучета полученных таким образом данных индивидуален для различных регионов¹³, но в реалиях 1941 года можно с высокой долей уверенности утверждать, что недоучет составлял от 25 % до 15 % прибывших в тыловые районы граждан. В качестве иллюстрации можно привести отчет ВРИО начальника статистического управления Киргизской ССР И.П. Пасхавера от 21 января 1942 г. Согласно этому отчету, на 20 января 1942 года во Фрунзенской области Киргизской ССР было выявлено 44 115 человек, прибывших по эвакуации, в то время как данные текущего учета зафиксировали только 35 795 человек¹⁴. Таким образом, недоучет составил 8320 человек, или почти 19 % от количества прибывших.

Для определения точного количества прибывших в тыловые районы страны было решено провести сплошной переучет эвакуированных граждан с 1 по 5 января 1942 г. К сожалению, в республиках Средней Азии статистические органы не были в должной мере обеспечены необходимыми для этого ресурсами, в итоге к 5 января переучетом было охвачено около 25 % эвакуонаселения¹⁵. Причин тому было множество – сначала недоставало бланков учета, затем, после того, как бланки были напечатаны, возникли сложности с передачей этих бланков учетчикам в населенные пункты, недостаточная квалификация учетчиков приводила к большому количеству ошибок и необходимости повторного заполнения бланков, бланки (и инструкции по их заполнению) были отпечатаны только на русском языке, в то время как в сельской местности «зачастую не только секретари сельсоветов не знают русского языка, но районные инспектора»¹⁶.

В результате сроки учета для Киргизской и Казахской ССР сдвинули на 15 марта, а для Узбекской – на 15 мая. Таким образом, учет прибывшего по эвакуации населения оказался, по сути, сорван – в условиях войны население довольно активно перемещалось как внутри отдельных областей, так и между ними¹⁷, а растягивание сроков учета сильно снижало точность. Эта проблема была характерна для большинства тыловых регионов СССР, которые принимали эвакуированное население, например, начальник сектора населения и здравоохранения Горьковского областного статуправления Прайсман в объяснительной записке писал: «Единовременный учет проведен, но точно определить размер погрешности мы не можем... Ориентировочная прикидка погрешности недоучета – 6,9 %, что дает по области 148 200 неучтенного населения (общая численность, таким образом – не 2 295 200, а 2 413 000) сельского населения»¹⁸. Но ситуация в Казахской и Узбекской ССР даже на этом фоне отличалась в худшую сторону – об этом писал Н.М. Швернику (в то время – главе Совета по Эвакуации) начальник ЦСУ Госплана СССР В.Н. Старовский, считая эти два региона худшими как по срокам, так и по точности учета эвакуированного населения.

¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 248. Л. 11.

¹³ М.П. Беленко, Источники по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 2. С. 81

¹⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 316. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Д. 338. Л. 17.

¹⁷ Исупов В.А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 1. С. 12.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 338. Л. 5.

Таблица 2

Численность эвакуированных в республики Средней Азии граждан*

	Казахская ССР	Узбекская ССР	Туркменская ССР	Таджикская ССР	Киргизская ССР	Всего в Среднюю Азию
Прибыло в 1941 г.	250 000	310 000	20 000	30 000	70 000	680 000
Прибыло в 1942 г.	100 000	120 000	10 000	10 000	30 000	150 000
Итого	350 000	330 000	30 000	40 000	100 000	820 000

* По расчетам автора

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в начале войны система учета эвакуированного населения находилась в стадии становления: постановления правительства, регламентирующие порядок учета и транспортировки, обеспечения всем необходимым в пути эвакуированных граждан массово нарушались, а существующие органы не могли справиться с резко возросшим объемом миграций населения. Это, в свою очередь, стало одной из причин недостоверности существующих статистических сведений о численности эвакуированного в Среднюю Азию населения. В сочетании с просчетами, допущенными при организации и проведении переучетов эвакуированного населения, можно утверждать, что для компенсации погрешностей учета и определения численности мигрантов необходимо использовать расчетные методы.

Во-вторых, за годы Великой Отечественной войны Средняя Азия приняла как минимум 820 тысяч человек, из них около 20 % было размещено в Киргизской, Туркменской и Таджикских ССР, и примерно по 40 % – в Узбекской и Казахской ССР. Такое распределение было обусловлено как транспортной доступностью, так и существующим инфраструктурным потенциалом республик региона – наиболее промышленно развитые и населенные республики приняли большую часть населения. Говоря о динамике эвакуации гражданского населения, можно утверждать, что большая часть мигрантов прибыла в регион в ходе первой волны эвакуации, в 1941 году, и от четверти до трети общего количества – в 1942 году.

В-третьих, значение «северного» - в Казахстан, и «южного» - в Узбекистан, маршрутов оказалось очень близким, с незначительным преимуществом северного маршрута – так как он в меньшей степени был подвержен влиянию погодных условий на процессы транспортировки населения.

Литература

Беленко М.П. Источники по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири, 2019. № 2. С. 81–85.

Белоносов И.И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. // Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производственных сил СССР в 1941–1942 гг. Сборник статей и воспоминаний. М.: Наука, 1966.

Исупов В.А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 1. С. 12–17.

Потемкина, М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2002. 264 с.

Снегирева Л.И. К вопросу об учете эвакуированного населения в Западной Сибири и его численности // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны. Томск, 2005. С. 103–108.

References

Belenko M.P. Istochniki po chislennosti grazhdanskogo naseleniya, evakuirovannogo v Zapadnuyu Sibir v godi Velikoy Otechestvennoy voyny [Sources on the number of civilians evacuated to Western Siberia during the Great Patriotic War] // Gumanitarnye nauki v Sibiri, 2019, № 2. P. 81–85.

Belonosov I.I. Evakuaciya naseleniya iz prifrontovoy polosy v 1941–1942 gg [Evacuation of the civil population from the front line in 1941–1942] // Echelony idut na Vostok. Iz istorii perebazirovaniya proizvodstvennykh sil SSSR v 1941–1942 gg. Moscow, 1966. P. 15–30.

Isupov V.A. K voprosu o tipah migratsiy i ih sootnoshenii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On the issue of migration types and their correlation during the Great Patriotic War] // Gumanitarnye nauki v Sibiri, 2016, № 1. P. 12–17.

Potemkina M.N. Evakuaciya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny na Urale: lyudi i sud'by [Evacuation during the Great Patriotic War in the Urals: people and destinies]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University, 2002. 264 p.

Snegireva L.I. K voprosu ob uchete evakuirovannogo naseleniya v Zapadnoy Sibiri i ego chislennosti [On accounting the evacuated population in West Siberia and its number] // Aktualnye problem istorii Velikoy Otechestvennoy voyny. Tomsk, 2005. P. 103–108.

Статья поступила в редакцию 10.08.2019 г.